

Мухаэль Эндэ

Пунш желаний

Михаэль Энде
Пунш желаний

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 821.112.2-312.9-93
ББК 84(4Гем)

Энде М. А.

Пунш желаний / М. А. Энде — «Азбука-Аттикус», 1994

ISBN 978-5-389-20227-6

В сказочной повести знаменитого немецкого писателя, классика детской литературы, чьи книги переведены на 40 языков, весело и остроумно рассказывается о том, как накануне Нового года тайный советник колдовских наук Вельзевул Заморочит и его тётка Тирания Вампирьевна задумали сварить пунш желаний, чтобы с его помощью осуществить задуманные злодеяния.

УДК 821.112.2-312.9-93
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-389-20227-6

© Энде М. А., 1994
© Азбука-Аттикус, 1994

Содержание

Пять часов вечера	7
Восемь минут шестого	9
Одиннадцать минут шестого	10
Двадцать три минуты шестого	16
Половина шестого	21
Без четверти шесть	24
Без десяти шесть	26
Шесть часов вечера	27
Пять минут седьмого	28
Четверть седьмого	34
Двадцать минут седьмого	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаэль Энде Пунш желаний

Michael Ende
DER SATANARCHÄOLÜGENIALKOHÖLLISCHE WUNSCHPUNSCH
Illustrated by Regina Kehn

© 1994, 2019 by Thienemann in Thienemann-Esslinger Verlag GmbH, Stuttgart

© А. Исаева, перевод на русский язык, наследники, 2021

© Л. Лунгина, перевод на русский язык, наследники, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

Machaon®

Пять часов вечера

В этот последний день перед Новым годом как никогда рано на землю спустилась мгла. Чёрные тучи застилали небо, а метель мела и мела, засыпая снегом Мёртвый парк.

Во внутренних покоях виллы «Кошмар» словно всё вымерло, лишь дрожащие блики зеленоватого пламени из приоткрытой дверцы камина плясали по стенам, погружая колдовскую лабораторию в призрачный свет.

Ходики над камином со скрипом пришли в движение – заработал зубчатый механизм. Но вместо кукушки из этих часов выскакивал искусно сработанный большой палец, а по нему с размаху ударял молоточек. Вот и сейчас вместо «ку-ку» раздалось: «Ой! Ай! Ой! Ай! Ой!»

Значит, пробило пять.

Обычно, услышав бой часов, тайный советник колдовских наук Вельзевул Заморочит приходил в преотличное настроение, но в этот предновогодний вечер он только угрюмо взглянул на часы. Пригрозив им рукой, он укутался в дым своей трубки и с хмурым видом погружился в размышления. Он знал, что его ожидают крупные неприятности, и не далее как сегодня в полночь – как раз в момент наступления Нового года.

Колдун Заморочит сидел в глубоком старинном кресле – с подлокотниками и высокой спинкой, по бокам которой торчали заслонки, будто огромные уши, – самолично сколоченном из гробовых досок четыре века назад одним умельцем-упырём, мастером на все руки. Мягкое сиденье его, уже порядком потёртое, было обито мехом волка-оборотня. Кресло это было семейной реликвией, и потому Заморочит относился к нему с большим почтением, хотя вообще-то был колдуном прогрессивным и всегда шагал в ногу со временем. Особенно если это касалось его профессиональной деятельности.

Трубка, которую он курил, представляла собой маленький череп со стеклянными глазами – при каждой затяжке они загорались зелёным светом. Облачка дыма рисовали в воздухе разные причудливые фигуры: числа и формулы, извивающихся змей, летучих мышей, а также маленькие привидения, но главным образом вопросительные знаки.

Вельзевул Заморочит вздохнул, поднялся с кресла и начал ходить по лаборатории взад и вперёд. Да, сегодня его призовут к ответу. В этом нет никаких сомнений. Но с кем ему придётся иметь дело? И что он может сказать в свою защиту? А главное, примут ли во внимание его оправдания?

Его длинная костлявая фигура была облачена в широкий, богатый складками шёлковый халат ядовито-зелёного цвета (ядовито-зелёный был вообще любимым цветом тайного советника колдовских наук). Из халата торчала маленькая, лысая и какая-то скукоженная головка с морщинистым лицом, напоминавшая сушёное яблоко. На его горбатом носу, загнутом книзу крючком, сидели огромные очки в чёрной оправе с блестящими толстыми, словно лупа, стёк-

лами, из-за чего глаза казались неестественно большими. Уши торчали по обе стороны головы, как ручки кастрюли, а рот был так узок, будто его прорезали бритвой. В общем, колдун был не из тех, кто внушал доверие с первого взгляда. Но самому Заморочиту всё это было, как говорится, до лампочки. Он никогда не стремился быть душой общества, а предпочитал по возможности оставаться наедине с самим собой и творить свои делишки в глубокой тайне.

Восемь минут шестого

Вдруг он замедлил шаги, остановился и в задумчивости почесал лысину.

– По крайней мере, эликсир № 92 должен довариться ещё сегодня, – пробормотал он. – Хоть это успеть. Только бы проклятый кот не перебежал мне дорогу.

Он подошёл к камину.

На окружённом зелёным пламенем железном треножнике стоял стеклянный котёл, и в нём бурлило и булькало какое-то варево, супчик, похлёбка, довольно противная с виду – чёрная как дёготь и склизкая, как слизь улитки. Помешивая в котелке эту гадость хрустальной палочкой, чтобы определить степень её готовности, он, весь погружённый в раздумья, прислушивался к шуму и вою метели, сотрясавшей ставни лаборатории.

«Супчик», к сожалению, был ещё не готов. Придётся ему ещё довольно долго булькать, прежде чем он выкипит и превратится в нужное снадобье. Тогда он преобразится в совершенно безвкусный порошок, который можно будет подмешивать в любую пищу или питьё. Каждый, кто его примет, будет с этой минуты глубоко уверен, что вся продукция Заморочита служит прогрессу человечества. Колдун собирался вскоре после Нового года начать поставлять свои порошки во все универсамы города. Там они будут продаваться под названием «Диета бодряка».

Но пока до этого было ещё далеко. Да, такое дело требует времени, в том-то как раз и загвоздка.

Тайный советник колдовских наук отложил трубку и обвёл взглядом полутёмную лабораторию. Отсветы зелёного пламени плясали на горах старых и новых книг, наваленных повсюду. В этих книгах были собраны формулы и рецепты, которые Заморочит использовал для своих опытов. В тёмных углах таинственно поблёскивали реторты, колбы, бутылки, змеевики и ещё разного рода трубочки, а в них поднимались и опускались жидкости всех цветов, выкипая, капая и испаряясь. Были здесь и компьютеры, и электрические приборы, в которых то и дело загорались крошечные лампочки, раздавалось жужжание, попискивание и посвистывание. В тёмной нише бесшумно витали в воздухе красные и синие блестящие шарики, то взлетая вверх, то падая вниз, а из кристаллических чаш взвивался, крутясь, дым, похожий на светящийся привиденческий цветок.

Заморочит стоял, как уже было сказано, на высоте современного развития науки и техники и даже во многих отношениях предвосхищал их развитие.

Вот только со сроками он безнадёжно отстал.

Одиннадцать минут шестого

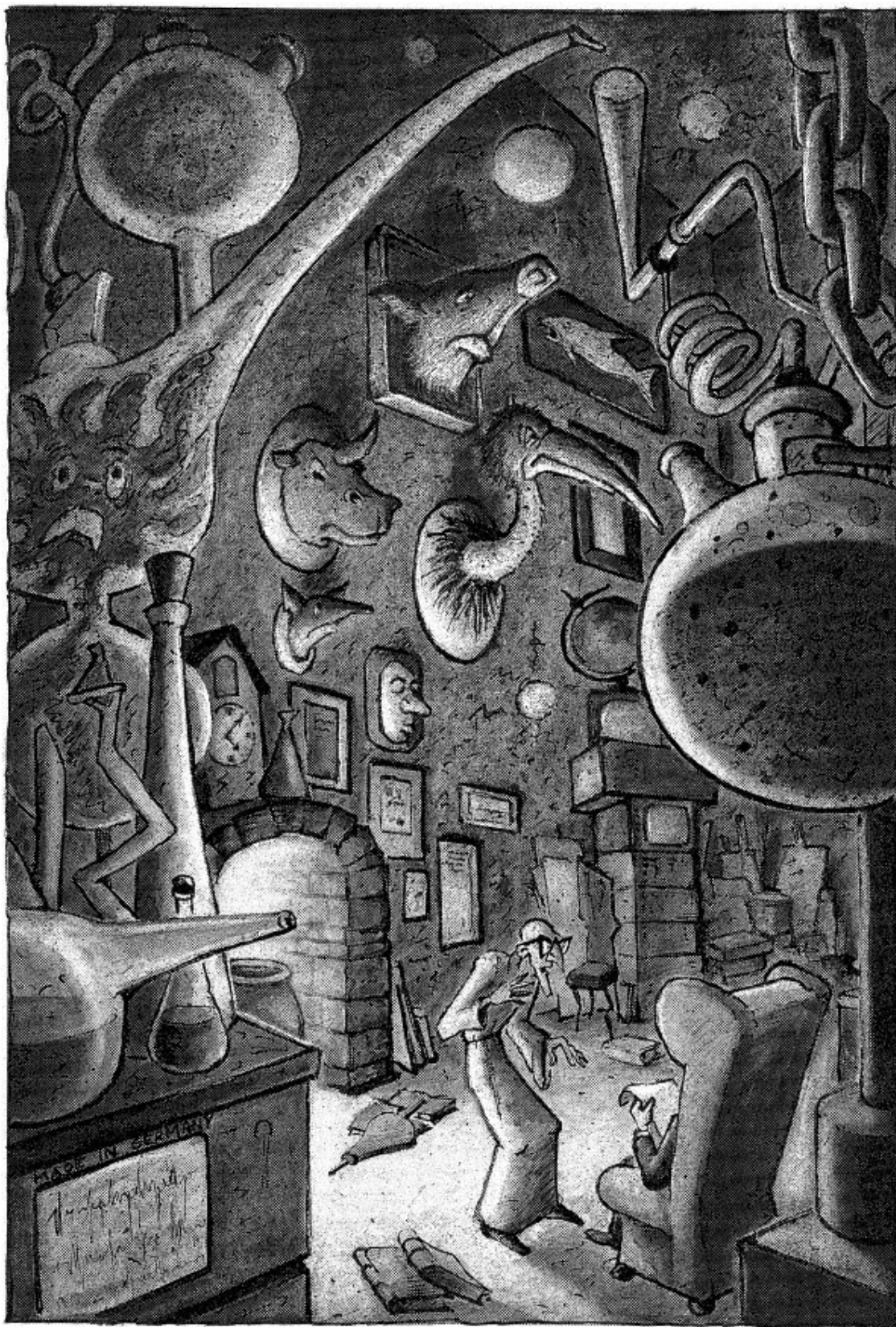
Негромкое покашливание заставило его вздрогнуть. Он обернулся.

В старом ушастом кресле кто-то сидел. «Ага, – подумал он, – начинается! Только не сдаваться!»

Как известно, для колдуна, а уж особенно для такого, как Заморочит, дело вполне привычное, что разные странные фигуры появляются у него перед глазами, не дожидаясь приглашения и без всякого предупреждения. Но это ведь, как правило, духи, которые несут свою голову под мышкой, либо трёхглазые чудовища с шестью руками, либо драконы, выплёвывающие огонь, либо ещё какие-нибудь ужасы. Появись перед тайным советником что-нибудь эдакое, его бы это ничуть не смутило. Он привык к подобным явлениям. Собственно говоря, это и было его привычное окружение.

Но посетитель, сидевший в кресле, был совсем другого рода. Он выглядел как любой прохожий на улице, можно сказать, пугающе нормально. Вот это-то и вывело Заморочита из равновесия.

Этот тип был одет в элегантное чёрное пальто, на голове его красовался чёрный цилиндр, руки обтягивали чёрные перчатки, а на коленях он держал чёрный портфель. Лицо его было лишено всякого выражения, только очень уж бледное, почти белое. Бесцветные глаза слегка выпучены, он глядел не моргая и не мигая. Век у него вообще не было.

Заморочит взял себя в руки и подошёл к посетителю:

– Кто вы такой? Что вам здесь надо?

Тот молчал. Он смерил подошедшего к нему Заморочита холодным взглядом, прежде чем ответил почти беззвучно и без всякого выражения:

– Имею честь говорить с тайным советником колдовских наук, профессором, доктором наук Вельзевулом Заморочитом?

– Имеете честь. Ну и что скажете?

– Разрешите представиться.

Не вставая с кресла, посетитель приподнял цилиндр, и на одно мгновение мелькнули по обе стороны его гладкого белого черепа два маленьких красноватых бугорка, вроде бы два нарывчика.

– Моя фамилия – Личина, Проклятой Личина, с вашего позволения.

Колдун Заморочит был всё ещё полон решимости не сдаваться:

– И по какому праву вы меня беспокоите?

– О-о-о, – сказал без улыбки господин Личина, – если позволите сделать вам замечание, господин тайный советник, то считаю, что столь дурацкий вопрос именно вам не следовало бы задавать.

Заморочит так сжал одной рукой другую, что хрустнули пальцы.

– Вы что, посланы оттуда?..

– Совершенно верно, – подтвердил пришелец. – Оттуда.

При этом он указал большим пальцем вниз.

Заморочит сглотнул и промолчал.

А пришелец продолжал:

– Я явился с личным поручением Его Адского Превосходительства и вашего глубокопочитаемого покровителя.

Колдун попробовал было изобразить радостную улыбку, но губы его вдруг словно склеились. Только с большим трудом ему удалось произнести:

– Какая честь!

– Вот именно, уважаемый профессор, – заявил посетитель. – Я прибыл от господина министра Глубочайшей Тьмы Его Превосходительства Вельзевула, имя которого вам разрешено носить, несмотря на то что награда эта вами не заслужена. Моё ничтожество всего лишь исполнитель самой низшей категории. Если я выполню поручение к удовольствию Его Превосходительства, то могу надеяться на повышение. Возможно, мне дадут даже звание Мучителя и поставят во главе созданного мною ведомства.

– Примите... мои поздравления, господин... Личина, – запинаясь, пробормотал Заморочит. – А в чём состоит ваше поручение? – Его лицо слегка позеленело.

– Я тут исключительно по долгу службы, – объяснил господин Личина, – так сказать, в роли судебного исполнителя.

Колдуну пришлось откашляться, голос его звучал совсем хрипло:

– Но что же, ради всех чёрных дыр Вселенной, вам надо от меня? Хотите наложить взыскание? Может быть, наказать? Тогда здесь какая-то ошибка!

– Это ещё будет видно, – заметил господин Личина.

Он вытащил из чёрного портфеля какую-то бумагу и протянул её Заморочиту:

– Этот договор вам, безусловно, знаком, уважаемый господин колдовской советник. Вы сами в своё время заключили его с моим шефом и собственноручно подписали. В нём говорится, что вам со стороны вашего покровителя предоставляется в этом столетии поистине неограниченная власть над всей природой и над вашими современниками. Вы же, со своей стороны, обязуетесь к концу каждого года прямо или косвенно уничтожать десять видов животного мира – всё равно, идёт ли речь о бабочках, рыбах или млекопитающих. Кроме того, вы обязуетесь отравить воду в пяти реках или же пять раз в одной и той же реке. Далее, вы обязуетесь засушить любым доступным вам способом не менее десяти тысяч деревьев и так далее и тому подобное. И последнее: в течение года вы должны организовать по крайней мере одну эпидемию, от которой погибнет множество людей или животных, а ещё лучше и тех и других. И

наконец самое последнее: вы должны так манипулировать климатом и погодой вашей страны, чтобы все времена года окончательно перепутались и это привело бы к засухам и наводнениям. Однако за текущий год эти обязательства договора вами выполнены только наполовину, уважаемый тайный советник колдовских наук. И мой шеф считает, что это весьма и весьма огорчительно. Он, прямо вам скажу, просто негодует, а вы представляете себе, чем это чревато со стороны Его Превосходительства? У вас есть возражения?

Заморочит уже много раз пытался перебить посетителя и теперь выпалил:

– Но ведь старый год ещё не кончился! Клянусь моей любимой двуокисью, у меня есть ещё время до полуночи! Сейчас только начало шестого!

Господин Личина вытаращил на него глаза без век:

– Несомненно. – Он быстро взглянул на часы. – И вы, как видно, надеетесь за эти несколько оставшихся часов наверстать всё упущенное? В самом деле?

– Разумеется! – рявкнул Заморочит. Но тут же опустил голову и пробормотал растерянно: – Нет, возможно...

Посетитель встал и подошёл к стене рядом с камином, где в аккуратных рамках висели все грамоты и дипломы тайного советника колдовских наук. Как и многие ему подобные, Заморочит придавал этим титулам величайшее значение. На одной из грамот, например, было написано: «ЧАЧИ», что значило «Член Академии чёрных искусств», на другой – «ДРУН» («Доктор ужасающих наук»). На третьей красовалась аббревиатура «ПДПГИБ» («Приват-доцент прикладных гнусностей и бесчинств»), а на четвёртой – «УЧШВНЛГ», что значило «Участник шабаша ведьм на Лысой горе», и так далее и тому подобное.

– Так вот, послушайте, – сказал Заморочит, – давайте поговорим разумно. Это действительно не моя злая воля, которой у меня, поверьте, хватает...

– В самом деле? – спросил господин Личина.

Колдун Заморочит отёр носовым платком холодный пот на лысине:

– Я всё это наверстаю в самые короткие сроки. Его Превосходительство может на меня положиться. Пожалуйста, передайте ему это.

– Наверстаете? – переспросил господин Личина.

– Ах, будь оно проклято! – выкрикнул Заморочит. – Тут возникли, как назло, обстоятельства, помешавшие мне выполнить договорные обязательства в срок! Я прошу небольшой отсрочки, и всё будет в порядке.

– Обстоятельства? – переспросил господин Личина, продолжая без особого интереса рассматривать дипломы. – Какие такие обстоятельства?

Колдун подошёл к нему сзади и стал говорить прямо в цилиндр:

– Вы, надо думать, в курсе всего того, чего я добился за последние годы. Это гораздо существеннее, чем мои обязательства по договору.

Господин Личина обернулся и снова уставился стеклянным взглядом в лицо Заморочита:

– Скажем лучше, вы кое-что совершили, но достаточно ли...

От страха тайный советник колдовских наук становился всё болтливее. Он перескакивал с одного на другое, перебивая сам себя, и чуть было совсем не запутался:

– Невозможно, просто невозможно вести войну на уничтожение так, чтобы враг рано или поздно этого не заметил. Как раз из-за моих выдающихся достижений природа начинает обороняться. Она готовится к ответному удару – только пока ещё не знает, кому его нанести. Первыми взбунтовались духи природы – гномы, ундины, эльфы. Они самые хитрые и пронырливые. Мне стоило колоссального напряжения и потребовалось немало времени, чтобы изловить и обезвредить всех, кто что-то пронюхал и оказался опасным для наших планов. Уничтожить их, к сожалению, невозможно, потому что они ведь бессмертны, но я сумел их запереть и полностью парализовать с помощью моей новой колдовской силы. Между прочим, довольно забавное сборище – они там, в коридоре, если хотите лично в этом убедиться, господин Маска...

– Личина, – поправил посетитель, не обратив внимания на приглашение.

– Как? Ах да, ну конечно, господин Личина! Извините, пожалуйста. – Колдун выдавил из себя нервный смешок: – Остальные духи природы до того перепугались, что перенеслись в самые отдалённые уголки планеты. Таким образом, мы от них избавились. Но тем временем звери начали кое-что подозревать. Они собрались на Великий Совет, и Совет этот решил послать тайных наблюдателей по всем направлениям, чтобы найти причину зла. К сожалению, в моём собственном доме присутствует один из таких шпионов уже почти целый год. Речь идёт о маленьком котике. К счастью, он не отличается особым умом. Сейчас он спит, если вы хотите на него посмотреть. Впрочем, он спит почти всё время, и не только из-за естественной склонности. – Колдун ухмыльнулся. – Я позаботился, чтобы он ничего не разведал и не догадался о моей настоящей деятельности. Он даже не подозревает, что я знаю, с каким заданием он здесь ошивается. Я его раскормил и избаловал, и поэтому он думает, что я великий друг животных. Он просто боготворит меня, маленький дуралей. Но вы сами понимаете, уважаемый господин Маска...

– Личина! – поправил пришелец на этот раз довольно резко.

Его мертвенно-бледное лицо, освещённое беспокойным пламенем камина, выглядело теперь жутковато.

У колдуна буквально подкосились ноги.

– Извините, извините. – Он хлопнул себя по лбу. – Я немного рассеян, у меня ведь стресс! Была порядочная нервотрёпка с выполнением моих договорных обязательств, а тут ещё приходилось всё время водить за нос шпиона в собственном доме. Он хотя и не хитёр, но ведь уши-то и глаза у него отменные, как у всех кошек. Приходилось работать в чрезвычайно тяжёлых условиях. С этим вы не можете не согласиться. А какая затрата времени! Да-да, очень, очень много времени, многоуважаемый господин... э-э-э...

– Весьма огорчительно, – перебил его господин Личина, – в самом деле огорчительно. Но всё это ваши проблемы, мой любезный. В договоре это ничего изменить не может. Или, по-вашему, я не прав?

Заморочит сгорбился.

– Поверьте, я с удовольствием устроил бы этому проклятому коту вивисекцию, или поджарил его живьём на шампуре, или, может, вообще зашвырнул бы его на Луну, но ведь это показалось бы подозрительным Великому Совету Зверей. Им-то известно, что он шпионит здесь, у меня. А со зверьём гораздо труднее расправиться, чем с гномами и прочей шайкой-лейкой или, скажем, с людьми. С людьми-то вообще почти никаких проблем. Но пробовали ли вы когда-нибудь загипнотизировать саранчу или дикого кабана? Ничего тут поделывать невозможно. А если все звери во всём мире, самые большие и самые маленькие, вдруг объединятся и дружно ринутся на нас, тут уж никакое колдовство не поможет! А значит, необходима строжайшая осторожность! Пожалуйста, объясните это Его Адскому Превосходительству, вашему многоуважаемому господину шефу.

Личина взял свой портфель с кресла и повернулся наконец лицом к колдуну:

– Это не входит в моё поручение – передавать всякие объяснения.

– Как это понять? – возмутился Заморочит. – Его Превосходительство должен войти в положение! В своих же интересах. Я, в конце концов, не могу колдовать. То есть я, конечно, колдовать-то могу, но есть всему границы и – прежде всего – сроки. Даже и для меня. И к чему, собственно говоря, такая чудовищная спешка? Мир всё равно идёт к верной гибели, мы на правильном пути. Годом раньше, годом позже – какая разница!

– А понимать это надо так, – с ледяной вежливостью ответил господин Личина, подхватив первый вопрос Заморочита, – что вы предупреждены. Ровно в полночь, в момент наступления Нового года, я возвращаюсь сюда. Таково моё поручение. Если до этого срока вы не исполните взятых на себя обязательств по злодеяниям...

– Что тогда?

– Тогда, – заявил господин Личина, – вы, тайный советник колдовских наук, по высочайшему распоряжению свыше будете строго наказаны по служебной линии. Желаю вам счастливого Нового года!

– Подождите! – вскричал Заморочит. – Ещё только одно слово, ну, пожалуйста, господин Маска... э-э... господин Личина...

Но посетитель уже исчез.

Колдун опустил в кресло, снял очки с толстыми стёклами и уткнул лицо в ладони. Если бы чернокнижники умели плакать, он сейчас наверняка бы заплакал. Но из глаз его выкатилось только несколько сухих крупинок соли.

– Так что же теперь будет? – прохрипел он. – Не представляю, что же теперь будет, клянусь всеми муками ада!

Двадцать три минуты шестого

Колдовство – как доброе, так и злое – вовсе не такое уж простое дело. Многие дилетанты, правда, думают, что достаточно пробормотать несколько заклинаний, ну, в крайнем случае поразмахивать волшебной палочкой, вроде того, как это делает дирижёр, – и всё готово: какое-нибудь там превращение, или привидение, или ещё что-нибудь в этом духе. Но в том-то и дело, что всё обстоит совсем не так. Ведь на самом-то деле любое магическое действие необычайно сложно: для него требуется колоссальная эрудиция и множество приборов и подручного материала, а приобрести это чаще всего очень трудно. Ну и, кроме того, целые дни, а иногда и целые месяцы подготовки. К тому же это дело всегда крайне опасно, и малейшая ошибка может привести к неправильному результату.

Вельзевул Заморочит в развевающемся халате принялся бегать по комнатам и коридорам своей виллы в отчаянных поисках спасения, хотя и сам отлично знал, что уже слишком поздно. Он стонал и вздыхал, как злосчастный и неприкаянный дух, непрерывно бормотал что-то себе под нос. Шаги его отдавались эхом в тишине дома.

Условия договора он уже не успеет выполнить. Теперь он думал лишь о том, как спасти свою шкуру, куда бы спрятаться от адского судебного исполнителя.

Конечно, он может превратиться, например, в крысу, или в простодушного снеговика, или в поле электромагнитных колебаний – впрочем, тогда во всём городе заметят помехи изображения на телевизионных экранах, – но он ведь прекрасно знал, что так посланца Его Адского Превосходительства не проведёшь: тот всегда его узнает, какой бы образ он ни принял.

И так же бесполезно куда-либо бежать, как угодно далеко – в пустыню Сахару, на Северный полюс или на вершину Тибета: ведь пространственная отдалённость не играет для этого посетителя вообще никакой роли. Одно мгновение колдун подумал даже о том, не спрятаться ли ему за алтарём в городском кафедральном соборе или на его башне, но тут же отказался от этой мысли, потому что далеко не был уверен, что в наши дни адским чиновникам трудно попасть туда, куда им вздумается.

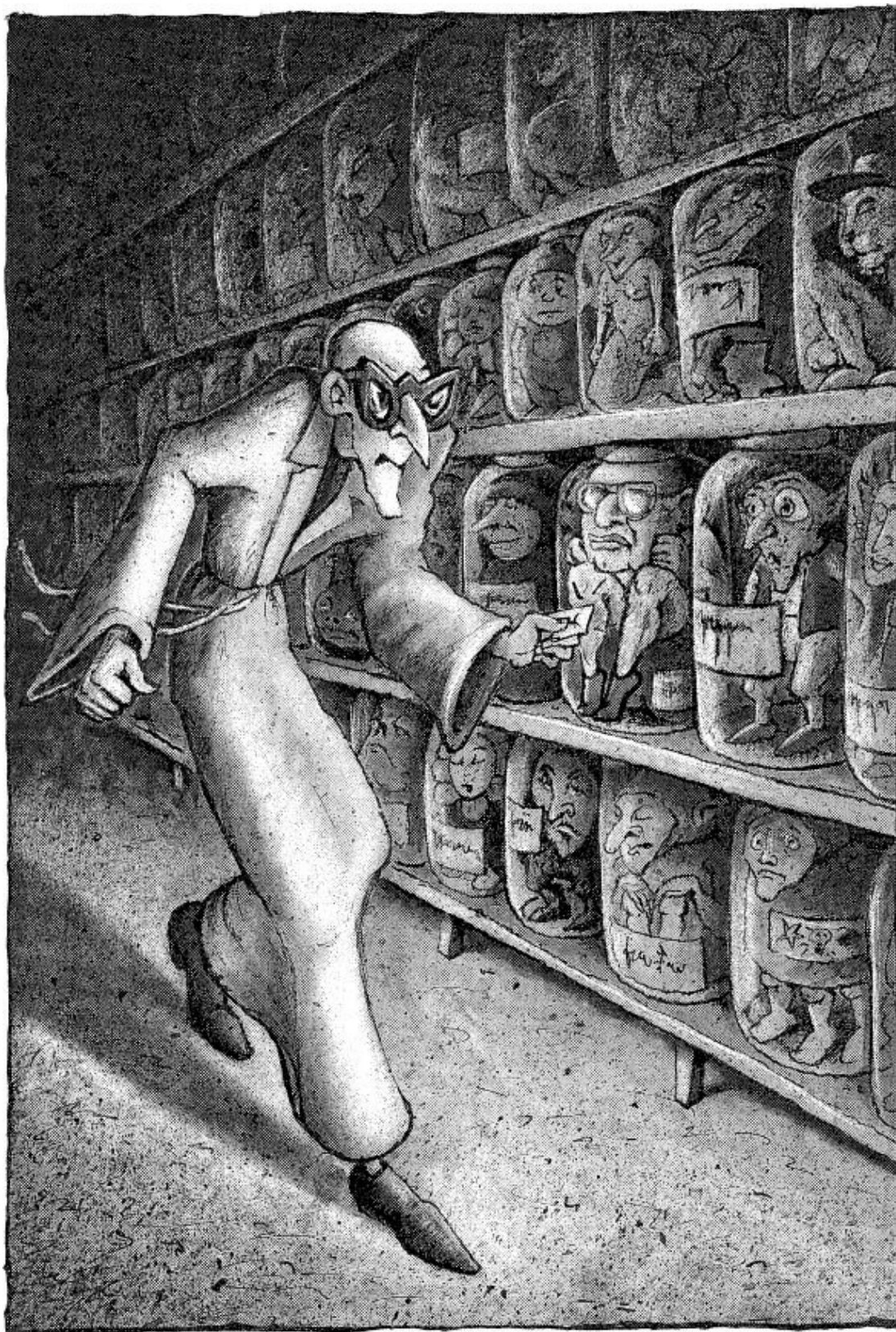
Заморочит поспешил в библиотеку, где во много рядов – один над другим – стояли старые фолианты и новейшие справочники. Он пробежал глазами заглавия на корешках книг. «Отмена совести. Учебное пособие для прошедших начальный курс», – прочёл он на одном из них. И ещё: «Руководство по отравлению колодцев и рек», «Энциклопедический словарь ругательств и проклятий»... Но тут не было ничего, что могло бы помочь ему в его трудном положении.

Он продолжал носиться из комнаты в комнату.

Вилла «Кошмар» представляла собой огромный тёмный ящик, снаружи он был украшен покосившимися башенками и крытыми балкончиками, а внутри помещение было разделено

на множество комнат с косыми углами и закоулками, а также на кривые коридоры. Скрипучие шаткие лестницы соединяли первый этаж со вторым, а со свода свисала паутина. Всё здесь было точно так, как обычно представляешь себе дом злого колдуна. Заморочит когда-то сам набросал план своего дома, поскольку вкус его в отношении архитектуры был очень старомоден. В хорошие минуты он любил называть свою виллу «Мой уютный семейный очаг». Но сейчас ему было не до подобных шуток.

Он стоял теперь в одном из длинных тёмных коридоров, по стенам которого хранились на полках сотни и тысячи больших стеклянных банок. Это и была та коллекция, которую он хотел показать господину Личине, называл он её «Музей природоведения». В каждой банке – пойманный и законсервированный дух природы: тут были и гномы, и кобольды, и цветочные эльфы всех сортов, а рядом с ними ундины, малютки-водяные, русалочки с пёстрыми рыбьими хвостиками, и домовята, и даже несколько маленьких духов огня, называемых саламандрами, которые раньше ютились в камине Заморочита. Каждая банка была снабжена аккуратной этикеткой с точным обозначением её содержимого и датой поимки духа.

Все арестанты сидели совершенно неподвижно в своих стеклянных камерах, так как колдун подверг их перед посадкой бессрочному гипнозу. Он будил их только тогда, когда собирался поставить на ком-нибудь один из своих страшных опытов.

Впрочем, среди этих экспонатов в одной из банок отбывал свой бессрочный срок особенно уродливый и противный дух – настоящее маленькое чудовище, так называемый Буквоед, прозванный в народе Мудрокаком, Коринфской Вонючкой и Книгобрюзжалкой, или просто Брюзжалой. Такие духи дни напролёт с брюзжанием роются в книгах. До сих пор исследователи ещё окончательно не установили, зачем вообще эти создания существуют на свете. Колдун именно для этого и держал одного из них, чтобы путём длительного наблюдения установить, на что они могут сгодиться. Он был твёрдо уверен, что маленький Брюзжала каким-то образом окажется полезен для осуществления его замыслов. Но сейчас даже этот дух не интересовал колдуна. Только лишь по привычке он, проходя по коридору, постукивал костяшками пальцев то тут, то там по стеклу какой-нибудь банки. Нигде не было движения.

Наконец он дошёл до маленькой комнатки, помещавшейся на крытом балконе. На двери её было написано: «Камерный певец Мяурицио ди Мяуро».

Комната была обставлена с большой роскошью, как того может пожелать только избалованный кот. Тут было много мягкой мебели, о которую приятно точить когти; повсюду лежали клубки шерсти и другие игрушки; на низеньком столике стояла мисочка со сливками и много тарелок с разными аппетитными кушаньями; к стене было прислонено зеркало высотой в кошачий рост, перед которым можно было умывать лапкой нос и при этом любоваться самим собой; и как вершина всего этого великолепия – в уголке уютная корзинка в форме колыбельки с голубыми бархатными подушками и занавесками.

В этой постельке лежал, свернувшись клубочком, маленький толстый котик. Он спал. Впрочем, слова «толстый» здесь явно недостаточно. На самом деле котик был круглый как шар. А поскольку мех у него был трёхцветный – рыжевато-коричневый, чёрный и белый, – он казался хорошо набитой диванной подушкой с заплатами, четырьмя короткими лапами и забавным жалким хвостиком.

Когда Мяурицио чуть больше года тому назад пришёл в этот дом по тайному поручению Великого Совета, это был больной, шелудивый, отощавший кот – все рёбра можно было пересчитать.

Сначала он сделал вид, будто случайно забежал к колдуну, просто приболудился, и был очень горд своей хитростью. Но потом, когда увидел, что его не только не выгоняют, а даже всячески балуют, очень быстро забыл про свою тайную миссию. Вскоре он был уже совершенно очарован своим хозяином, был просто в полном восторге! Правда, он вообще легко приходил в восторг, а особенно от всего, что ему льстило и соответствовало его представлениям о престижном образе жизни.

– Мы, коты из высшего общества, – объяснял он колдуну, – умеем держать уровень. Даже в нищете мы не опускаемся ниже нашего ниво¹.

А вот что он рассказал колдуну несколько недель спустя:

– Вы, возможно, поначалу приняли меня за обыкновенную бездомную кошку. Но я на вас не в обиде. Как вы могли догадаться, что я происхожу из древнего рыцарского рода? Наш род ди Мяуро славится также знаменитыми певцами. Вы, наверное, мне не поверите, потому что мой голос звучит сейчас немного хрипло, – на самом деле голос его звучал скорее как кваканье лягушки, чем как мяуканье, – но ведь раньше я тоже был бардом, миннезингером, и тронул своими любовными песнями немало гордых сердец. Мой отец из Неаполя, оттуда, как известно, происходят все воистину великие певцы. На нашем гербе начертан девиз «Красота и отвага» – и тому и другому служил каждый из моего рода. Но я заболел. Почти все кошки в той округе, где я жил, вдруг оказались больны. Во всяком случае, те, которые питались рыбой. А благородные кошки, как известно, больше всего любят рыбу. Но рыба, как выяснилось, была

¹ Нивó – уровень (*фр.*).

ядовитой, потому что река, где её ловили, отравлена. И я потерял из-за этого мой дивный голос. Другие же почти поголовно погибли. Вся моя семья теперь уже на небе у Большого Кота.

Заморочит сделал вид, что совершенно потрясён этой историей, хотя уж кто-кто, а он-то знал, каким образом река оказалась отравленной. Он ужасно сочувствовал Мяурицио и даже назвал его «трагическим героем», а это было особенно приятно маленькому котику.

– Если хочешь мне довериться, – обратился он к коту, – я тебя выхожу, вылечу и верну тебе голос. Я найду подходящее лекарство. Но запасись терпением – на это требуется время. А главное, ты должен делать всё, что я скажу, и слушаться меня во всём. Согласен?

О, конечно, Мяурицио был согласен! С этого дня он называл Заморочита не иначе как «дорогой маэстро». О поручении Великого Совета Зверей он уже почти не вспоминал.

И разумеется, не догадывался, что Вельзевул Заморочит с помощью Чёрного Зеркала и других магических средств информации давно уже был в курсе того, с какой целью послан кот к нему в дом. Тайный советник колдовских наук тут же решил использовать все маленькие слабости Мяурицио, чтобы обезвредить его, не пробудив при этом ни малейшего подозрения. Простодушный котик чувствовал себя и в самом деле словно в сказочной стране с молочными реками и кисельными берегами. Он ел, и спал, и опять ел, и становился всё толще, всё ленивее, уж до того разленился, что и мышей ловить перестал.

Однако никто ведь не может спать без просыпу много недель и месяцев подряд, даже ленивый кот. И вот Мяурицио время от времени поднимался на своих коротеньких лапках и, покачивая животом, который почти уже доставал до пола, принимался бродить по дому. Заморочиту всегда приходилось быть начеку, чтобы кот не застал его за каким-нибудь злым колдовством. Вот это и привело к тому отчаянному положению, в котором он сейчас находился.

Заморочит стоял перед колыбелькой и глядел на трёхцветный меховой клубочек, так спокойно дышавший, свернувшись на бархатной подушке. Сейчас он его убьёт!

– Проклятое кошачье отродье, – шептал он, – один ты во всём виноват!

Маленький котик замурлыкал во сне.

– Раз уж всё равно всё пропало, – бормотал Заморочит, – так хоть доставлю себе удовольствие свернуть тебе шею.

Его длинные костлявые пальцы уже потрагивали затылок Мяурицио, а тот, не просыпаясь, перевернулся на спинку и, подняв вверх все четыре лапки, с наслаждением протянул ему свою шею.

Колдун отступил.

– Нет, – сказал он негромко, – это ничем не поможет, да и кроме того – всегда успеется.

Половина шестого

Чуть позже колдун уже снова сидел в своей лаборатории и при свете настольной лампы что-то писал.

Он решил составить завещание.

Заковыристым торопливым почерком со множеством росчерков и завитушек он изобразил на листке бумаги следующее:

Моя последняя воля.

Находясь в здравом уме и твёрдой памяти, я, Вельзевул Заморочит, тайный советник по колдовским наукам, профессор, доктор наук и так далее... в возрасте ста восьмидесяти семи лет одного месяца и двух недель, завещаю...

Он перестал писать и начал грызть свою самопишущую ручку, которую имел обыкновение наполнять не чернилами, а синильной кислотой или цианистым калием.

– И вправду приличный возраст, – пробормотал он, – но для таких, как я, это ещё молодой возраст, во всяком случае слишком молодой, чтобы отправляться прямой дорогой в ад.

Например, его тётка, ведьма, прожила уже триста лет, но в профессиональном отношении была ещё крайне активна.

Он слегка вздрогнул, потому что вдруг на стол к нему прыгнул маленький котик. Он зевнул, изящно выгнул розовый язычок, потом потянулся изо всех сил, вытянув сперва передние, а потом задние лапы, и несколько раз решительно чихнул.

– Мяу-ой! – мяукнул он. – Чем это тут так противно воняет? – Он сел прямо на завещание и начал умываться.

– Хорошо ли вы спали, господин камерный певец? – раздражённо спросил колдун и весьма нелюбезно оттолкнул его в сторону.

– Не знаю, – ответил Мяурицио. – Я всегда чувствую себя ужасно усталым, сам не знаю почему. А кто это здесь был, пока я спал?

– Никого не было, – мрачно буркнул колдун. – Пожалуйста, не мешай мне сейчас. Я должен работать. Дело очень срочное.

Мяурицио принялся:

– Но ведь пахнет как-то странно. Здесь был кто-то чужой.

– Да что ты! – сказал Заморочит. – Это всё тебе приснилось. Воображение! А сейчас заткнись.

Кот начал умывать лапкой мордочку, но вдруг остановился и с удивлением поглядел на колдуна:

– Что случилось, дорогой маэстро? У вас такой подавленный и пришибленный вид.

Заморочит нервно мотнул головой:

– Ничего не случилось. А теперь оставь-ка меня наконец в покое. Понятно?

Но Мяурицио не отставал. Наоборот, он снова сел на завешание и стал тереться головой о руку колдуна, тихонько мурлыкая:

– Уж я догадываюсь, почему вы такой печальный, маэстро! Сегодня предновогодний вечер, и все празднуют его в весёлой компании. А вы сидите здесь одинёшенек, всеми покинутый. Мне вас так жалко!

– Все! – проворчал Заморочит. – Я – это не все!

– Да, конечно, – поспешил согласиться котик. – Вы – гений и великий благодетель людей и животных. А великие всегда одиноки. Я-то ведь знаю. А не хотите ли в порядке исключения немножко прогуляться и позабавиться? Это вас наверняка утешило бы и успокоило.

– Типично кошачья идея, – ответил колдун, раздражаясь всё больше и больше. – Я терпеть не могу весёлую компанию.

– Но, маэстро, – горячо продолжал Мяурицио, – разве вы не знаете поговорку: «Разделённая радость – радость вдвойне»?

Заморочит стукнул кулаком по столу.

– Научно доказано, – сказал он резко, – что часть всегда меньше целого. Я никогда ничего не делю ни с кем. Намотай себе это на ус и заруби на носу!

– Хорошо, хорошо, – испуганно ответил котик, а потом добавил лстивым голосом: – Ведь, в конце концов, у вас есть я.

– Да! – злобно рявкнул колдун. – Только тебя мне и не хватало.

– Правда? – обрадовался Мяурицио. – Вам меня не хватало?

Заморочит нетерпеливо засопел, вне себя от ярости:

– Да убирайся ты наконец! Проваливай! Отправляйся в свою комнату! Мне надо кое-что обдумать. У меня неприятности.

– А может, я могу вам чем-нибудь помочь, дорогой маэстро? – услужливо осведомился котик.

Колдун застонал и закатил глаза.

– Ну ладно, – вздохнул он. – Если тебе так уж хочется, поди помешай в котелке над огнём, вон там, в камине, эликсир № 92. Только смотри – не дремать и не клевать носом. А то знаешь, что случится!

Мяурицио прыгнул со стола, потрусил на своих коротеньких лапках к камину и схватил передними лапами хрустальную волшебную палочку.

– Наверняка это очень нужное лекарство, – мурлыкал он, осторожно помешивая варево. – Может быть, это даже средство для восстановления моего голоса, которое вы так долго стараетесь подыскать опытным путём?

– Может быть, ты наконец заткнёшься? – заорал колдун.

– Да-да, конечно, маэстро, – послушно промурчал Мяурицио.

Некоторое время всё было тихо, только метель свистела и выла вокруг виллы «Кошмар».

Без четверти шесть

– Маэстро, – снова заговорил шёпотом маленький котик, – маэстро, у меня, знаете, тяжело на сердце.

Заморочит ничего не ответил, только с отчаянным видом опёрся головой на руку. И котик продолжал чуть погромче:

– Я должен вам кое в чём признаться. Это уже давно тяготит мою совесть.

– Совесть?.. – Заморочит скривил рот. – Гляди-ка, даже у котов имеется совесть?

– О-о-о, даже очень, – заверил его Мяурицио с серьёзным видом. – Может быть, не у всех, но у меня уж точно. Я ведь всё-таки из старинного рыцарского рода.

Колдун откинулся на спинку стула и со страдающим выражением лица закрыл глаза.

– Дело вот в чём... – запинаясь, начал Мяурицио, – Я ведь не тот, кем кажусь.

– Да кто тот? – заметил Заморочит весьма двусмысленно.

Кот продолжал помешивать варево, не отрывая глаз от чёрной похлёбки.

– Ведь всё время, что здесь нахожусь, я кое о чём умалчивал, маэстро. И теперь мне ужасно стыдно. Поэтому я решил сегодня, в этот особенно праздничный вечер, во всём признаться.

Колдун открыл глаза и внимательно посмотрел на Мяурицио через очки с толстенными стёклами. Губы его на мгновение сложились в насмешливую улыбку, но котик ничего не заметил.

– Вы это знаете лучше, чем кто-либо, маэстро, что в мире повсюду происходит что-то очень дурное. Всё больше живых существ заболевает, всё больше деревьев умирает, всё больше рек оказываются отравленными. Поэтому звери давно уже собрались на большое собрание, конечно, тайное, и решили найти причину всех этих бед. И вот наш Великий Совет Зверей решил разослать своих тайных агентов во все концы света, чтобы наблюдать за всем, что происходит. И я пришёл к вам, дорогой маэстро, чтобы за вами шпионить.

Он сделал паузу и уставился на колдуна огромными светящимися глазами.

– Поверьте, – продолжал он затем, – всё это было мне очень нелегко, потому что деятельность подобного рода не отвечает моим благородным принципам. Я делал это только потому, что обязан был делать. Это был мой долг по отношению к другим животным.

Он снова сделал паузу, а затем добавил немного смущённо:

– Вы теперь на меня очень сердитесь?

– Не забывай помешивать! – сказал колдун и, несмотря на мрачное настроение, с трудом подавил смех.

– Вы сможете меня простить, маэстро?

– Ладно уж, Мяурицио, я тебя прощаю. Забудем!

– Ох, – облегчённо выдохнул котик, тронутый до глубины души. – Какое благородство! Как только я выздоровею и не буду таким усталым, тут же отправлюсь в Великий Совет Зверей и расскажу им, какой высокой души вы человек. Даю вам в этом торжественное обещание к Новому году!

Это напоминание заставило колдуна мгновенно вновь прийти в дурное настроение.

– Ладно, кончай эту плаксивую чепуху! – хрипло проговорил он. – Ты действуешь мне на нервы.

Мяурицио, сбитый с толку, озадаченно замолчал. Он никак не мог себе объяснить внезапную нелюбезность маэстро.

В этот момент раздался стук в дверь.

Без десяти шесть

Колдун выпрямился и сидел теперь словно аршин проглотил. Постучали во второй раз – громко и отчётливо.

Мяурицио перестал помешивать варево и простодушно заметил:

– Мне кажется, маэстро, стучат.

– Ш-ш-ш, – зашипел тот. – Тише!

Ветер тряхнул оконные рамы.

– Только не сейчас! Нет, нет! – заскрипел зубами Заморочит. – Клянусь химическим оружием и всеми отравляющими веществами, это просто некорректно! Нечестная, грубая игра!

В третий раз постучали – уже довольно нетерпеливо.

Колдун заткнул уши руками:

– Пусть оставят меня в покое. Меня нет дома.

Стук усилился. Теперь уже колотили в дверь, и сквозь завывание метели можно было неясно расслышать хриплый каркающий голос, звучащий довольно сердито.

– Мяурицио, – прошептал колдун, – дорогой котёнок, будь уж так добр, пойдика открой и скажи, что я неожиданно уехал. Просто скажи, поехал, мол, к своей престарелой тётушке Тирании Вампирьевне, чтобы отпраздновать с ней Новый год.

– Но, маэстро, – удивлённо отозвался котик, – это ведь самая настоящая ложь. Вы всерьёз требуете этого от меня?

Колдун взвёл глаза к небу и застонал:

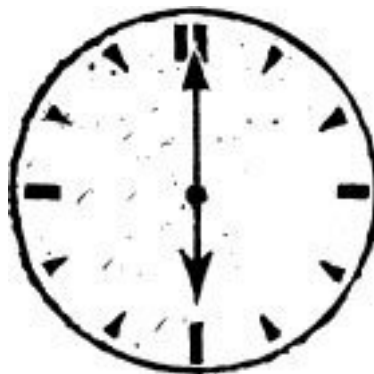
– Не могу же я, в конце концов, сказать это сам!

– Ладно, ладно, маэстро, хорошо! Для вас я всё сделаю.

Мяурицио потрусил к двери, пододвинул, напрягая все свои слабые силы, скамеечку, взобрался на неё, повернул огромный ключ и, когда замок открылся, вцепился в ручку, чтобы дверь не захлопнулась. Снежный вихрь рванул дверь и ворвался в помещение. Бумаги в лаборатории разлетелись и закружили в воздухе, а зелёное пламя камина прибило ветром до горизонтального положения.

Но за дверью никого не было.

Шесть часов вечера

Кот вышел, сделал несколько осторожных шагов, немного побродил перед дверью, осмотрелся в темноте по сторонам, потом снова вернулся в дом и стряхнул снег с шубки.

– Никого, – сказал он. – Наверное, какая-то ошибка. Где же вы, маэстро?

Заморочит вынырнул из-за спинки ужасного кресла.

– Правда никого? – спросил он. – Точно?

– Точно. Никого, – заверил его Мяурицио.

Колдун выбежал в переднюю, с грохотом захлопнул наружную дверь и запер её, много раз повернув ключ. Потом вернулся в лабораторию, бросился в кресло и громко запричитал:

– Дождаться не могут! Хотят именно сегодня свести меня с ума!

– Кто? – удивлённо спросил Мяурицио.

Но тут снова раздался стук. На этот раз яростный.

Лицо Заморочита исказилось гримасой страха и бешенства, зрелище было ужасающее.

– Со мной это не пройдёт! – выкрикнул он. – Нет, нет! Мы ещё посмотрим!

Он снова прокрался в переднюю, а маленький котик тихо поплёлся вслед за ним.

На указательном пальце левой руки колдуна красовалось кольцо, украшенное большим рубином. Разумеется, это был магический камень, он мог поглощать и накапливать огромное количество света, а когда этот аккумулятор был хорошо заряжен, он представлял собой смертельное оружие.

Заморочит медленно поднял руку, прищурил глаз, прицелился, и красный лазерный луч словно стрела просвистел по коридору, оставив в тяжёлой входной двери тонкое, как игла, дымящееся отверстие. Колдун стрельнул во второй раз и в третий, и ещё, и ещё, пока не иссякла энергия рубина и массивные деревянные створки двери не были изрешечены сверху донизу.

– Вот так-то, – сказал он и громко вздохнул с облегчением. – Теперь всё тихо!

Он вернулся в лабораторию и снова сел за стол писать завещание.

– Но, маэстро, – запинаясь, промяукал в ужасе маленький котик, – а вдруг вы в кого-нибудь попали там, за дверью?..

– И поделом ему, – буркнул Заморочит. – Что он шатается тут, вокруг моего дома!

– Но ведь вы даже не знаете, кто это был! А вдруг это какой-нибудь ваш друг?

– У меня нет друзей.

– Или, может, кто-нибудь, кто нуждается в вашей помощи.

У колдуна вырвался короткий безрадостный смешок:

– Ты не знаешь жизни, малыш. Кто стреляет первым, тот бьёт без промаха. Запомни это. Но тут снова постучали.

Пять минут седьмого

Заморочит молчал и только скрипел зубами.

– Это в окно, – мяукнул Мяурицио. – По-моему, маэстро, это в окно стучат.

Он прыгнул на подоконник, приоткрыл створку окна и через щёлку ставней поглядел на улицу.

– Там кто-то сидит, – прошептал он. – Вроде как птица, вроде как ворон.

Заморочит продолжал молчать, только поднял вверх руки, словно бы что-то отвергая.

– А вдруг какой-нибудь несчастный случай? – продолжал котик и, не дожидаясь приказа колдуна, толкнул ставню.

Вместе с облаком снега в лабораторию влетела птица, настолько ошипанная, что скорей напоминала не ворона, а большую бесформенную картофелину, в которую как попало воткнули несколько чёрных перьев. И всё же это был ворон. Он приземлился, проехался на худых лапах ещё немного по полу, прежде чем смог остановиться, и, взъерошив жалкие остатки перьев, открыл весьма внушительный клюв.

– Как же так! Как же! Как же! – закаркал он громогласно. – Вы, я вижу, не торопитесь открывать! Тут и помереть можно, пока дождётся. Да ещё стреляете в пришедших – вот смотрите, последнее хвостовое оперение продырявили! Ну и манеры! Где мы с вами находимся?

И вдруг он заметил кота. Котик глядел на него большими горящими глазами. Ворон втянул голову в крылья, отчего стал казаться каким-то горбатым, потом растерянно прокаркал:

– Ой-ой! Пожиратель птиц! Этого ещё не хватало! Ну спасибо вам. Дело, видно, кончится катастрофой!

Мяурицио, который за всю свою недолгую жизнь ещё не поймал ни одной птички, а уж тем более такой огромной и зловещей, сперва даже вообще не понял, что речь идёт о нём.

– Аллю! – мяукнул он с достоинством. – Привет, незнакомец!

Колдун всё ещё молча, с большим недоверием разглядывал странного пернатого.

Ворон чувствовал себя всё более неудобно. Он смотрел то на кота, то на колдуна, вертя головой из стороны в сторону, и наконец прокартавил:

– Если вы не против, господа, я попросил бы закрыть окно, потому что всё равно уже больше никто не влетит, а тут такой чертовский сквозняк. Я его опасюсь, у меня и так в левом крыле ревматизм или как это там называется?

Котик закрыл окно, спрыгнул с подоконника и начал ходить большими кругами вокруг пришельца. Он хотел всего лишь посмотреть, не случилось ли что с вороном, но тот, похоже, расценил интерес к себе Мяурицио совсем по-другому.

Заморочит тем временем вновь обрёл дар речи.

– Мяурицио, – приказал он, – спроси-ка этого стервеца-стервятника, кто он такой и что он здесь позабыл.

– Мой дорогой маэстро, – сказал котик как можно более благовоспитанно, – хотел бы узнать, как тебя зовут и зачем ты пожаловал?

Круги кота становились всё уже и уже.

Птица вращала головой, не спуская глаз с Мяурицио.

– Передай твоему маэстро от меня сердечный привет. – При этом он в отчаянии подмигнул коту одним глазом. – Моё достойное имя, с вашего разрешения, Яков Карк, и я являюсь, так сказать, летучим «мальчиком на побегушках» у мадам Тирании Вампирьевны, его многоуважаемой тётушки. – При этом он подмигнул другим глазом. – А кроме того, никакой я не стервятник, с вашего разрешения. Я птица совсем другой породы. Я не коршун, не ястреб, а старый, испытанный жизнью ворон, можно даже сказать, ворон-бедолага.

– Гляди-ка, ворон! – с усмешкой заметил Заморочит. – Хорошо, что ты это разъяснил, а то и не догадаешься.

– Ха-ха, страсть как остроумно, – чуть слышно прокаркал Яков Карк.

– Бедолага? – с состраданием осведомился Мясурцио. – Какая с тобой беда? Говори, не бойся. Мой добрый маэстро тебе поможет.

– Какая беда? Невезение. Вечное невезение, – мрачно заявил Яков. – Например, надо же было мне попасть сюда, чтобы встретить этого ужасного пожирателя птиц! И перья у меня все выпали после того, как я недавно попал в ядовитое облако. Такие облака за последнее время встречаешь всё чаще, а почему, никто не знает. – Он снова подмигнул коту. – А твоему доброму маэстро можешь передать, что нечего так меня рассматривать, даже если ему не нравится мой потрёпанный наряд. У меня теперь уже нет более приличной одежды.

Мясурцио взглянул на Заморочита:

– Вот видите, маэстро, он и в самом деле попал в беду.

– Спроси-ка этого ворона, – сказал колдун, – почему он всякий раз тебе тайно подмигивает?

Яков Карк, опередив кота, поспешно ответил:

– Слушай, господин тайный советник колдовских наук, это ничего не означает. Просто у меня нервный тик.

– Так-так, – протянул Заморочит. – А почему мы так нервничаем?

– А потому, что я не выношу таких вот надутых типов: разговаривает важно, свысока, да ещё с острыми когтями, и два прожектора на морде. Всё тарашится!

До Мясурцио начало доходить, что его сейчас обидели. Этого он, конечно, не мог так оставить. Он навёл марафет, вылизал свою шкурку, прижал уши, распушил хвост, ошетинился, фыркнул и зашипел:

– Маэстро, разрешите мне ощипать эту бессовестную, гнусную птицу? Больно уж он клюв разевает.

Колдун посадил котика на колени и начал его тихонько поглаживать.

– Пока ещё не время, мой маленький герой. Успокойся. Он ведь говорит, что прибыл от моей многоуважаемой тёти. Послушаем, что ему поручено передать. Я только сомневаюсь, можно ли ему вообще хоть сколько-нибудь верить. А ты как считаешь?

– Во всяком случае, у него дурные манеры, – промурчал Мясурцио.

Ворон опустил крылья и гневно прокаркал:

– Ну давайте клуйте меня оба – прямо в гузку!

– Можно только удивляться, – заметил Заморочит, продолжая тихонько почёсывать кота, – да, можно только удивляться, каким вульгарным персоналом окружает себя с некоторых пор моя утончённая тётушка.

– Что?! – пронзительно каркнул ворон. – Нет, уж теперь моё терпение лопнуло! Кто из нас тут вульгарный? Это не шутка, когда в таком состоянии летишь в пургу ночью, чтобы оповестить о приезде моей хозяйки, и прилетаешь как раз к ужину, но нет, не только ничего не дают поклевать, а ещё тебя самого ставят в меню! Так вот, повторяю мой вопрос: кто из нас тут вульгарный?

– Что ты там говоришь, ворон? – всполошился Заморочит. – Тётя Тирания готова сюда пожаловать? Когда же?

Яков Карк всё ещё в бешенстве скакал по полу:

– Сейчас! Сию минуту! В любой момент! Она уже почти здесь!

Заморочит снова опустился в кресло и простонал:

– Ах ты, старая карга! Этого ещё не хватало!

Ворон наблюдал за ним, склонив набок голову, и прокартавил как бы самому себе:

– Ну вот, опять я вестник беды! Очень для меня типично!

– Я полстолетия не видел в лицо тётю Тиру, – причитал колдун. – Что ей вдруг тут понадобилось? Как раз сегодня она примчится. Нет, это мне совсем некстати!

Ворон помахал крыльями:

– Она сказала, что, мол, должна провести сегодняшний праздничный вечер со своим горячо любимым племянником. У него, говорит, есть какой-то особый рецепт пунша или чего-то такого, а у неё его нет, а он ей очень нужен – вот что она сказала.

Заморочит спихнул котика с колен и вскочил.

– Всё-то она знает! – выкрикнул он. – Клянусь всеми опухольями на свете, просто хочет использовать моё безвыходное положение. Под маской родственных чувств впереться ко мне и попытаться втереться в доверие, чтобы совершить интеллектуальное воровство. Уж я-то её знаю, о-о-о как знаю!

Он выкрикнул не то вавилонское, не то египетское проклятие с километр длиной, от которого стеклянные приборы в лаборатории зазвенели на все лады и тысячи шаровых молний с шипением покатались зигзагами по полу.

Мяурицио, никогда ещё не выдавший своего маэстро в таком испуге, вскочил огромными прыжками на голову чучела акулы, висевшего среди других препарированных трофеев на стене лаборатории. К его ужасу, оказалось, что и ворон проделал то же самое, и теперь они, сами не зная, как это получилось, держались, уцепившись друг за друга. Неприятно поражённые, они тут же отпустили друг друга.

Тайный советник колдовских наук рылся дрожащими руками в огромной кипе бумаг на своём столе, перебирал их, швырял и всё брюзжал:

– Клянусь сернокислым дождём, она не знает ни одной запятой из моих драгоценных расчётов! Эта коварная гиена небось думает, что теперь она получит задаром мои драгоценные выкладки и результаты исследований. Не тут-то было! Шиш она получит! Ничего не выведает, ничегошеньки! Я запрю мои акты с важнейшими формулами в тайном погребке с крышкой, неподвластной колдовству. Никогда ей туда не проникнуть, ни ей, ни кому другому!

Он уже бросился было бежать, но вдруг остановился и стал шарить взглядом по всей лаборатории, дико вращая глазами.

– Мяурицио, пестицид тебя возьми, где ты там торчишь? Куда подевался?

– Я здесь, маэстро, – отозвался Мяурицио с головы акулы.

– Слушай! – крикнул колдун, глядя вверх. – Пока меня нет, ты ни на секунду не спускаешь глаз с этого вороньего подонка, понятно? Только смотри не засни! Гляди, чтобы он не совал клюв не в свои дела! А лучше отведи-ка его в свою комнату, запри и садись сторожить перед дверью. Не доверяй ему ни в коем случае, не поддавайся ни на какие разговоры и попытки втереться в доверие и навязать свою дружбу. Ты отвечаешь мне за это!

Он поспешно выбежал за дверь, а его ядовито-зелёный халат развевался, как знамя, следом за ним.

Четверть седьмого

И вот они остались в лаборатории один на один. Друг против друга на голове чучела акулы. Ворон глядел в упор на кота, кот – на ворона.

– Ну? – немного помолчав, произнёс Яков.

– Что «ну»? – фыркнул Мяурицио.

Ворон опять ему подмигнул:

– До тебя всё ещё не дошло, коллега?

Мяурицио растерялся, но ни за что не хотел это показать и прошипел:

– Попридержи свой огромный клюв! Не болтать! Так приказал мой маэстро.

– Но сейчас-то его нет, – прокаркал Яков. – Теперь мы можем говорить открыто, коллега.

– Не втирайся в доверие! – строго ответил Мяурицио. – Зря стараешься. Ты слишком нагл, и у тебя нет никакого ниво. Ты мне не нравишься.

– Я вообще никому не нравлюсь и привык к этому, – ответил Яков. – Но всё равно мы должны объединить наши усилия. Это нам поручено.

– Замолчи! – профыркал котик, стараясь придать себе как можно более грозный вид. – Сейчас мы пойдём в мою комнату. Прыгай вниз и не пытайся спастись бегством! Ну давай!

Яков Карк поглядел на Мяурицио и, покачав головой, спросил:

– Ты что, в самом деле такой болван или только прикидываешься?

Мяурицио не знал, как себя вести. С той минуты, как он остался наедине с вороном, тот вдруг показался ему гораздо больше, а клюв его – ещё острее и опаснее. Невольно он выгнул спинку и ошетинился. У бедного Якова, который принял это за нешуточную угрозу, сердце ушло в пятки. Он послушно слетел на пол с головы акулы, а котик, сам поражённый столь неожиданным эффектом, спрыгнул вниз вслед за ним.

– Ты меня не тронь, и я тебя не трону, – прокряхтел Яков и склонил голову.

Мяурицио показался сам себе просто великолепным.

– Вперёд, чужак! – приказал он.

– Ну вот, поздравляю, – покорно прохрипел Яков. – Уж лучше бы я остался в гнезде с моей Кларой.

– А кто эта Клара?

– Да просто моя бедная жена.

И он быстро зашагал на своих тонких лапах, а кот поспешил за ним.

Когда они очутились в длинном тёмном коридоре со множеством стеклянных банок на полках, Мяурицио задал вопрос, который давно его мучил:

– А почему ты всё время говоришь мне «коллега»?

– А потому, святая простота, что мы и есть коллеги или, по крайней мере, были ими.

– Кот и птица, – с гордым видом заявил Мяурицио, – никогда не могут быть коллегами. Не воображай, ворон! Кот и птица – естественные враги.

– Естественно, – подтвердил Яков. – Я хочу сказать: естественно, что они естественные враги. Но естественно только тогда, когда и положение вещей естественное. А в неестественном положении естественные враги иногда становятся коллегами.

– Стой! Не так быстро! – мяукнул Мяурицио. – Я что-то ничего не понял. Выражайся яснее!

Яков остановился и повернулся к котику:

– Ты ведь здесь тайный агент при твоём маэстро, чтобы наблюдать за ним. Или, может, нет?

– Чего? – переспросил Мяурицио, совсем сбитый с толку. – А ты, может, тоже? Так зачем же Великий Совет Зверей посылает сюда ещё одного агента?

– И вовсе не сюда, – ответил Яков. – Я хотел сказать: и вовсе не меня. Ах, ты совсем сбил меня с толку своей глупостью. Так вот, я шпион при моей мадам ведьме, так же как ты при своём месье колдуне. Ну, дошло наконец?

Мяурицио обалдел от удивления:

– Ты это честно говоришь? Всё правда?

– Такая же правда, как то, что я – ворон-бедолага, – вздохнул ворон. – Ты ничего не имеешь против, если я почешусь? У меня всё время зуд какой-то!

– Да, пожалуйста! – разрешил Мяурицио, сделав великодушный жест лапой. – Раз уж мы коллеги.

Двадцать минут седьмого

Он красиво обвил себя хвостом и стал смотреть, как Яков изо всех сил скребёт лапой голову.

И вдруг этот старый ворон показался ему очень симпатичным.

– Почему же ты не дал мне понять это с самого начала?

– Да я давал тебе понять, – прокартавил Яков. – Я ведь всё время тебе подмигивал.

– Ах вот оно что! – воскликнул Мяурицио. – Но ты же мог это просто сказать вслух.

Теперь пришла очередь Якова открыть клюв от изумления – он ничего не понимал.

– Сказать вслух? – прокаркал он. – Чтобы твой шеф всё услышал? Ну ты даёшь!

– Мой маэстро и без того всё знает.

– Что?! – каркнул ворон. – Он всё пронюхал?

– Нет, – сказал Мяурицио. – Я сам посвятил его в это дело.

Ворон так и застыл с разинутым клювом:

– Нет, неправда, этого быть не может! Ой, сейчас грохнусь с ветки! Ну-ка, повтори ещё раз!

– Я просто должен был это сделать, – пояснил Мяурицио с важным видом. – Ведь было бы не по-рыцарски злоупотреблять его доверием. Я долго за ним наблюдал, испытывал его и установил, что он – человек благородный, настоящий гений и вполне достоин нашей откровенности. Хотя сегодня он ведёт себя немного странно, с этим я не могу не согласиться. Но со мной, во всяком случае, всё это время он обращался как с принцем. А это говорит о том, какой он добрый человек – настоящий благодетель и друг животных.

Яков, потрясённый, глядел на Мяурицио:

– Нет, такого не бывает! Чересчур много глупости на одного кота! На двух и на трёх хватило бы! Ты всё завалил, мой мальчик! Пиши пропало! Весь план зверей рухнул, теперь всё кончится плохо! Да что там плохо, просто ужасно. Я так и предчувствовал с самого начала! Я думал, что так и будет!

– Ты вообще не знаешь моего маэстро, – обиженно мяукнул котёнок. – Он всегда совсем не такой, как сегодня.

– Может, к тебе и не такой! – каркнул Яков. – Он тебя просто опутал – жиром опутал, как нетрудно увидеть.

– Что ты воображаешь? – фыркнул Мяурицио, приходя в бешенство. – Всё-то ты знаешь лучше!

– Да глаза у тебя есть? – крикнул Яков. – Тогда оглянись по сторонам! Как, по-твоему, что это всё такое? – И он указал крылом на полки с бесчисленными стеклянными банками.

– Это? Это лечебный пункт. Мне это сам маэстро сказал. Он пробует вылечить бедных гномов и эльфов. Что ты об этом знаешь?

– Что я знаю? – Яков Карк всё больше выходил из себя. – Сказать тебе, что это такое? Это тюрьма – вот что это! Камера пыток! Твой добрейший маэстро на самом деле один из самых худших существ, что вообще существуют на свете. Вот он кто! Так-то, простофиля! Благодетель! Ха-ха, хорош, хорош «гений»! «Он – друг животных»! Да чума он, зараза, холера! Знаешь, что он может? Воздух загрязнять – вот что он может! Воду отравлять, людей и зверей заражать болезнями! Леса и поля губить, разорять! В этом он велик, твой маэстро, больше ни в чём!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.